Международный научно-исследовательский журнал
«Прогрессивная экономика»
№ 2 / 2026 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/involyucziya-na-rynkah-novoj-triady-otraslej-kitaya-i-promyshlennaya-politika/
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности ВАК: 5.2.5
УДК 330.36
DOI: 10.54861/27131211_2026_2_504

ИНВОЛЮЦИЯ НА РЫНКАХ «НОВОЙ ТРИАДЫ» ОТРАСЛЕЙ КИТАЯ И ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА

Ермолаев С.А., *кандидат экономических наук, доцент, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва, Россия*
115054, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер. 36
ORCID: https://orcid.org/0000–0002–6723–3015
e-mail: Ermolaev.SA@rea.ru

Аннотация. В данной статье исследуется феномен экономической инволюции (нэйцзюань), охвативший перенасыщенные рынки Китая, в особенности сектора «новой триады»: электромобилей (EV), солнечной энергетики и аккумуляторных батарей. Опираясь на актуальные данные международных исследовательских центров, академические исследования и экономическую прессу, мы анализируем парадокс «роста без прибылей», при котором увеличение объёмов производства и экспорта сопровождается падением цен производителей, сокращением маржинальности и ростом числа убыточных предприятий. В статье рассматриваются институциональные причины сохранения этого дисбаланса, включая роль локальных органов власти, феномен «зомби-фирм» и двойственный эффект промышленной политики. Особое внимание уделяется сравнению текущей антиинволюционной кампании с реформами предыдущих лет, а также анализу микроуровневых механизмов – горизонтальной «ценовой инволюции» и вертикальной «цепочной инволюции». Делается вывод о том, что текущая модель роста, ориентированная на предложение, создаёт значительные риски устойчивой дефляции как для внутренней экономики Китая, так и для его торговых партнёров, а успех реформ зависит от способности властей синхронизировать ограничение избыточных мощностей с масштабными мерами по стимулированию внутреннего спроса. В качестве направления дальнейших исследований можно выделить изучение количественных эффектов воздействия мер промышленной политики в Китае на динамику количества фирм и ценовую динамику в отраслях «новой триады».

Ключевые слова: инволюция, Китай, ценовые войны, рост без прибылей, дефляция, промышленная политика, зомби-фирмы, избыточные мощности, новая триада.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Ермолаев С.А. Инволюция на рынках «новой триады» отраслей Китая и промышленная политика // Прогрессивная экономика. 2026. № 2. С. 504–519. https://doi.org/10.54861/27131211_2026_2_504.

Статья поступила в редакцию: 02.02.2026 г. Одобрена после рецензирования: 04.03.2026 г. Принята к публикации: 04.03.2026 г.

INVOLUTION IN THE MARKETS OF THE «NEW TRIAD» OF CHINA'S INDUSTRIES AND INDUSTRIAL POLICY

Ermolaev S.A., *Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia*
115054, Russian Federation, Moscow, Stremyanny Lane, 36
ORCID: https://orcid.org/0000–0002–6723–3015
e-mail: Ermolaev.SA@rea.ru

Abstract. This article explores the phenomenon of economic involution (neijuan) that has engulfed China's oversaturated markets, especially the sectors of the «new triad»: electric vehicles (EV), solar energy and batteries. Based on current data from international research centers, academic research, and the economic press, we analyze the paradox of «growth without profit,» in which an increase in production and exports is accompanied by a drop in producer prices, a reduction in margins, and an increase in the number of unprofitable enterprises. The article examines the institutional reasons for the persistence of this imbalance, including the role of local authorities, the phenomenon of «zombie firms» and the dual effect of industrial policy. Special attention is paid to comparing the current anti–revolutionary campaign with the reforms of previous years, as well as analyzing micro-level mechanisms - horizontal «price involution» and vertical «chain involution». It is concluded that the current supply-side growth model poses significant risks of sustained deflation for both China's domestic economy and its trading partners, and the success of reforms depends on the authorities' ability to synchronize the limitation of excess capacity with large-scale measures to stimulate domestic demand. As a direction for further research, we can single out the study of the quantitative effects of industrial policy measures in China on the dynamics of the number of firms and price dynamics in the industries of the «new triad».

Keywords: involution, China, price wars, growth without profits, deflation, industrial policy, zombie firms, excess capacity, new triad.

JEL classification: O25, O43, O53.

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Ermolaev S.A. (2026). Involutciya na rynkah `novoy triady` otraslei Kitaya i promyshlennaya politika [Involution in the markets of the «new triad» of China's industries and industrial policy]. Progressivnaya ekonomika [Progressive Economy], 2, 504–519. https://doi.org/10.54861/27131211_2026_2_504. (In Russ., abstract in Eng.)

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

The article was submitted to the editorial office: 02/02/2026. Approved after review: 04/03/2026. Accepted for publication: 04/03/2026.

Введение

Китайская экономика в середине 2020-х годов столкнулась с уникальным парадоксом. С одной стороны, страна демонстрирует впечатляющие показатели экспорта, укрепляя свои позиции мирового лидера в «новой триаде» отраслей – производстве электромобилей (EV), солнечных панелей и литий-ионных аккумуляторов [1, с. 1]. С другой стороны, внутри страны нарастает кризис перепроизводства, выражающийся в ожесточённых ценовых войнах, падении доходности предприятий и устойчивой дефляции, ставшей самой продолжительной с 1990-х годов [2, с. 2]. Для описания этого состояния китайское общество и эксперты активно используют термин «инволюция» (нэйцзюань), который из антропологического понятия превратился в обозначение саморазрушительной конкуренции, требующей всё больше усилий и ресурсов при снижающейся отдаче [3, с. 562].

Актуальность исследования обусловлена тем, что инволюция перестала быть только внутренней проблемой Китая. Перепроизводство толкает китайские компании к экспансии на внешние рынки, что провоцирует новые торговые конфликты с США и Евросоюзом. Как отмечается, эскалация тарифов лишь усиливает решимость китайских производителей строить заводы за рубежом, что «потенциально генерирует избыточные мощности в ближайшие годы» [4]. Цель данной статьи – проанализировать экономическую сущность инволюции на перенасыщенных рынках Китая, выявить её особенности на макро- и микроуровнях, а также оценить перспективы реализуемой государством антиинволюционной политики в сравнении с историческими прецедентами.

Обзор литературы

Концептуальные основы инволюции были заложены в антропологических исследованиях середины XX века. Американский антрополог Клиффорд Гирц в своей работе 1963 года, посвящённой сельскому хозяйству Индонезии, впервые использовал термин «инволюция» для описания ситуации, при которой рост населения на Яве не приводил к качественным изменениям в агротехнике, а лишь к дроблению земельных участков и интенсификации труда при неизменном уровне жизни [5, с. 60]. Эта концепция была впоследствии адаптирована экономистами для анализа аграрного развития Китая.

В дискуссии о природе экономического роста дореволюционного Китая сформировались две противоположные позиции. K. Pomeranz в своей работе «The Great Divergence» [6, с. 61] аргументирует, что Китай и Европа до XIX века развивались сопоставимыми темпами, а их последующее расхождение было обусловлено внешними факторами. В противовес этой позиции Ф. Бродель в «Материальной цивилизации…» [6, с. 62] подчёркивал структурные

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

ограничения китайской экономики, не позволявшие ей выйти на траекторию устойчивого роста. P. C. Allen в исследовании «Involution, Revolution, or What?» [5, с. 60] предложил компромиссную трактовку, согласно которой аграрный сектор Китая демонстрировал признаки как инволюционного развития, так и отдельные элементы модернизации.

Систематизация теоретических подходов к инволюции представлена в обзорной работе Бо Чжао и Цзинвэй Чжу [3]. Авторы отмечают, что с момента введения концепции в китайский академический дискурс она получила широкое распространение при анализе экономических, социальных и политических проблем Китая [3, с. 562]. Исследователи выделяют три основные причины распространения инволюционных процессов: низкая производительность труда, зависимость от предшествующей траектории институциональных изменений (path dependence) и рост социальных противоречий [13, с. 563]. Важным выводом работы является положение о том, что в ходе социально-экономического развития инволюция не может быть полностью преодолена, однако её негативные проявления могут быть смягчены через углубление реформ, адаптированных к национальным условиям.

Альтернативную интерпретацию инволюции предложил Чжан Тун-лун в своём экономическом обзоре [7]. Анализируя период Китайской республики, исследователь приходит к выводу, что феномены, интерпретируемые Ф. Хуаном как свидетельства инволюции (рост коммерциализации и интенсификации экономической активности при стагнации подушевого дохода), могут быть объяснены иными факторами [7, с. 2]. Данная работа важна для понимания методологических сложностей операционализации концепции инволюции в эмпирических исследованиях.

Определенный вклад в развитие экономического анализа инволюции внесли исследования, опирающиеся на эволюционно-институциональный подход. Г.Г. Бобоев [8] обосновывает применение данной методологии для анализа сбалансированного и устойчивого экономического роста в условиях нестабильности. Автор подчёркивает, что институты выступают фундаментальными элементами, определяющими правила и механизмы взаимодействия экономических агентов, а институциональная структура играет центральную роль в достижении устойчивого экономического роста, выступая связующим звеном между экономическими агентами и правилами их взаимодействия [8, с. 45]. Интерес представляет вывод Бобоева о том, что институциональные перекосы существенно замедляют процесс экономической трансформации, что требует активной модернизации экономической политики.

В монографии «Эволюционно-институциональный подход при исследовании и измерениях неравновесных процессов» [9] предлагается методика измерения эволюционных изменений, расширяющая границы качественного экономического анализа за счёт использования формальных

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

математических процедур, включая аппарат производственных функций и дифференциальных уравнений. Автор обосновывает концепцию направленной эволюции, связанную с нетрадиционным взглядом на институциональное реформирование и пути преодоления трансформационной кризисной цикличности [9, с. 34].

Ключевое эмпирическое исследование феномена инволюции в современном Китае представлено в рабочем докладе А. Гарсиа-Эрреро и Ц. Сюй [1]. Авторы анализируют данные китайских публичных компаний и приходят к выводу о наличии парадокса «роста без прибылей»: несмотря на рост совокупной факторной производительности (TFP), рыночная власть фирм (markup) неуклонно снижается [1, с. 5–6]. Исследователи также фиксируют устойчивый рост доли «зомби-фирм», выживающих за счёт банковской поддержки и субсидий локальных властей, что препятствует естественной консолидации рынков.

Проблема избыточных мощностей как следствия селективной промышленной политики исследуется в работе П. Ге, Р. Чжу, И. Чэнь и С. Хуан [10]. Авторы на основе квази-естественного эксперимента с «Планами оживления десяти отраслей» 2009 года показывают, что селективная промышленная политика оказывает «значительное и устойчиво негативное влияние на уровень загрузки мощностей» предприятий целевых групп [10, с. 145]. Механизм этого влияния включает рост государственных субсидий, снижение эффективности инвестиций и усиление перекоса в распределении капитала [10, с. 148]. Данное исследование ценно для понимания того, как промышленная политика создаёт долгосрочные предпосылки для инволюции.

Аналитический доклад BNP Paribas Asset Management [2] предлагает сравнительный анализ текущей антиинволюционной кампании с реформами 2015-2016 годов. Авторы выделяют ключевые различия: во-первых, текущая кампания нацелена на downstream-отрасли (отрасли, находящиеся ниже в цепочке создания стоимости) и новые сектора с доминированием частных компаний; во-вторых, возможности фискального стимулирования ограничены высоким уровнем государственного долга; в-третьих, рынок недвижимости переживает структурный спад спроса из-за демографических факторов.

Важный вклад в понимание микроэкономических механизмов инволюции вносят работы китайских исследователей. В работе Хуан Цюньхуэй и Е Цин [11] предлагается двухуровневая типология инволюционных процессов: горизонтальная «ценовая инволюция» (конкуренция за счёт снижения цен при отсутствии технологических преимуществ) и вертикальная «цепочная инволюция» (давление лидеров рынка на поставщиков, перекладывание убытков на более слабые звенья цепи) [11, с. 38].

Исследование Ван Бина из Нанкинского университета [12] акцентирует внимание на институциональных причинах инволюционной конкуренции.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Автор показывает, что отсутствие единых правил в национальном масштабе порождает «инволюционную конкуренцию» между провинциями: разные регионы запускают собственные программы поддержки, а низкие барьеры для копирования успешных мер ведут к их тиражированию по всей стране, многократно усиливая конкуренцию.

Исследование связи промышленной политики и феномена «зомби-фирм» представлено в работе И. Ге с соавторами [13]. Авторы обнаруживают, что эффект политики нелинеен во времени: в краткосрочной перспективе поддержка может подавлять превращение фирм в «зомби», но по мере продолжения поддержки её положительный эффект ослабевает и сменяется отрицательным из-за эффекта сверхинвестирования. Отмена политической поддержки, в свою очередь, ведёт к резкому всплеску образования зомби-фирм. Исследование также подтверждает, что ресурсы диспропорционально направляются фирмам, близким к правительству, что усугубляет проблему перекоса в распределении ресурсов.

В работе Джун Ду «Agricultural Transition in China» [14] проводится сравнительный анализ аграрных переходов в Китае, Японии и на Тайване. Автор развивает концепцию «инволюционного роста» в доиндустриальном сельском хозяйстве как следствие выбора технологий, определяемого сложными рыночными институтами. Ду показывает, что при столкновении различных экономик с одним и тем же набором технологий различия в локальных институциональных условиях определяют выбор технологий, а также сроки и продолжительность технологического перехода.

Ретроспективный анализ применения концепции инволюции к аграрной истории Китая представлен в работе А.О. Евсеевой [5]. Автор рассматривает дискуссию между сторонниками «инволюционизма» и «революционизма» в оценках развития агроэкономики Китая в XVII-XVIII веках, приходя к выводу о продуктивности синтеза этих подходов для понимания долгосрочных траекторий экономического развития. Таким образом, обзор литературы указывает на многообразие теоретических подходов к анализу инволюции и подтверждает актуальность дальнейшего исследования этого феномена применительно к современным перенасыщенным рынкам Китая. В общей сложности в обзоре проанализировано 14 научных работ, включая 5 российских источников.

Материалы и методы

Макроэкономический анализ используется для выявления общих тенденций динамики цен производителей, прибыли промышленных предприятий и инвестиционной активности. Секторальный анализ применяется для выявления отраслевой специфики инволюционных процессов. Особое внимание уделяется сопоставлению ситуации в трёх ключевых секторах «новой триады»: электромобилестроении, солнечной энергетике и производстве аккумуляторов. Институциональный анализ направлен на выявление роли государства, локальных властей и финансовых

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

институтов в воспроизводстве инволюционных механизмов. Сравнительно-исторический метод применяется при сопоставлении текущей антиинволюционной кампании с реформами предложения 2015-2016 годов.

Эмпирическую основу настоящего исследования составляют несколько групп источников. Первую группу образуют статистические данные и аналитические материалы международных исследовательских центров. Ключевым источником является доклад сотрудников исследовательского центра Брюгель (Bruegel), содержащий анализ динамики ценовых надбавок (markups) китайских публичных компаний за период 2014-2024 гг. [1]. Важным дополнением служат данные Федерального резервного банка Далласа о доле убыточных промышленных предприятий Китая [15].

Вторую группу источников составляют материалы экономической прессы. Особую ценность представляют публикации Reuters [16], содержащие уникальные данные о практике субсидирования автопроизводителей локальными властями, а также анализ The Guardian [17] о мерах китайского правительства по сдерживанию ценовых войн в секторе электромобилей. Третью группу образуют академические исследования, опубликованные в рецензируемых научных журналах. Среди них следует выделить работы по эволюционно-институциональной методологии [8; 9], исследования связи промышленной политики и избыточных мощностей [10], а также анализ феномена «зомби-фирм» [13].

Предлагаемое исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, анализ опирается преимущественно на данные публичных компаний, что, как отмечают Гарсиа-Эрреро и Сюй, может создавать смещение выборки в сторону более крупных фирм [1, с. 5]. Во-вторых, операционализация концепции инволюции в эмпирическом анализе сопряжена с методологическими сложностями, поскольку не все наблюдаемые феномены могут быть однозначно интерпретированы как инволюционные [7, с. 3]. В-третьих, динамичный характер китайской экономической политики означает, что некоторые выводы могут требовать корректировки по мере поступления новых данных о мерах антиинволюционного регулирования.

Результаты и обсуждение

Макроэкономическая статистика конца 2025 года рисует картину, характерную для дефляционной ловушки. Согласно данным, приведённым в рабочем документе Брюгеля, индекс потребительских цен (CPI) и индекс цен производителей (PPI) демонстрируют устойчивое снижение [1, с. 3]. Прибыль промышленных предприятий, хотя и показывает эпизодические всплески, в долгосрочном тренде не восстанавливается до докризисных уровней [1, с. 3]. В первой половине 2025 года потребительские цены снизились на 0,1% в годовом исчислении, а заводские цены производителей упали на 2,8%. Федеральный резервный банк Далласа добавляет к этому портрету тревожную статистику: доля убыточных промышленных фирм в Китае выросла с допандемийных 20% до почти 30% в 2025 году [15].

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обращает на себя внимание еще один важный индикатор – рынок труда. Компании, зарегистрированные на материковых биржах («Акции А»), увеличили свой штат всего на 1% в 2024 году, что является самым медленным ростом за всю историю наблюдений [4]. Это отражает глубинную проблему: «при инволюции китайская экономика ощущается намного холоднее, чем предполагают заголовки о росте ВВП». Наиболее ярко инволюция проявляется в отраслях, которые ранее были локомотивами роста, но теперь демонстрируют симптомы хронического перегрева.

Рынок электромобилей (EV): Китай стал свидетелем беспрецедентного бума: более 100 производителей электромобилей борются за долю на крупнейшем в мире авторынке. Однако этот успех обернулся «медвежьей услугой». Как сообщает Reuters, политика, ориентированная на достижение производственных показателей, привела к тому, что заводские мощности вдвое превышают спрос [16]. Результатом стала трёхлетняя ценовая война. BYD, лидер рынка, неоднократно снижал цены, предложив в мае 2025 года модель эквивалентом всего около 8000 долларов США, что, по мнению наблюдателей, «казалось не связанным с реальными затратами на производство EV» [17]. Это привело к первому за три года падению квартальной прибыли компании в 2025 году [16]. Медианная чистая прибыль 33 китайских автопроизводителей упала с 2,7% в 2019 году до катастрофических 0,83% в 2024-м [4]. Ценовая война распространяется и на смежные рынки: даже Starbucks сталкивается с падением продаж в Китае, поскольку конкуренты вроде Luckin Coffee предлагают латте по цене 9,9 юаня против 30 юаней у американского гиганта [17].

Солнечная энергетика: Ситуация в этом секторе ещё более драматична. Шесть крупнейших производителей солнечных панелей и элементов (JinkoSolar, Longi, Trina Solar и др.) понесли коллективные убытки в размере 2,8 млрд долларов в первой половине 2025 года. Производственные мощности настолько превышают глобальный спрос, что только мощностей по производству пластин, ячеек и модулей в Китае в 2024 году было достаточно для удовлетворения ежегодного мирового спроса до 2032 года [15].

Инволюция проникла даже в такой традиционно стабильный сектор как сектор коммерческой недвижимости. В Пекине арендодатели, пытавшиеся поднять цены, столкнулись с ростом вакантных площадей из-за недостаточного спроса, что свидетельствует о повсеместном характере проблемы [2, с. 3].

Анализ на микроуровне позволяет выделить два специфических проявления инволюционного поведения:

1. Горизонтальная «ценовая инволюция» (Price Involution): стратегия, при которой компании в одной отрасли, не имея преимуществ в технологиях или бренде, постоянно снижают цены для удержания позиций. Это не игра на повышение ценности, а краткосрочная игра за счет маржи, ведущая к гонке на дно.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

2. Вертикальная «цепочная инволюция» (Chain Involution): ситуация, когда компании-лидеры или платформенные гиганты в цепочке поставок используют свою рыночную власть для давления на поставщиков. Они требуют снижения цен, сокращения сроков и ухудшения условий, перекладывая собственное падение прибыльности на более слабые звенья цепи. Это ослабляет кооперационные связи и ведет к монополизации каналов сбыта.

Результатом обеих форм становится падение рентабельности продаж в обрабатывающей промышленности Китая с 13,24% в 2021 году до 11,87% в 2024 году, что является самым низким показателем за последние годы [11, с. 42]. Падение цен не является следствием низкой производительности. Напротив, совокупная факторная производительность (TFP) китайских фирм росла. Проблема в том, что выигрыш в эффективности не трансформируется в прибыль из-за падения рыночной власти фирм (markup). Даже компании с высокими показателями TFP вынуждены снижать цены, чтобы удержать долю рынка в условиях всеобщей ценовой войны, что приводит к ситуации, когда наиболее эффективные производители лишь «плывут по течению», а неэффективные выживают благодаря внешней поддержке, что блокирует естественную консолидацию рынка [1, с. 7].

Главным драйвером перенасыщения рынков выступает государственная промышленная политика, реализуемая на всех уровнях власти. Стратегия «Made in China 2025» и последующие планы стимулировали массированный приток инвестиций в приоритетные сектора. Однако на местах эта политика привела к тому, что профессор Ван Бин из Нанкинского университета называет «инволюционной конкуренцией», вызванной отсутствием единых правил в национальном масштабе [12, с. 12]. Разные провинции запускают собственные программы поддержки, чтобы получить преимущество, а низкие барьеры для копирования успешных мер ведут к их тиражированию по всей стране, усиливая конкуренцию. Reuters приводит примеры того, как местные власти, стремясь выполнить планы по росту и получить одобрение центра, предоставляли землю и субсидии автопроизводителям по цене ниже рыночной [16]. Это создаёт порочный круг: местные бюджеты завязаны на работе предприятий, что делает банкротство неэффективных производителей политически неприемлемым. Как отмечает BNP Paribas Asset Management, «рынок, по-видимому, перестал выполнять функцию балансировки спроса и предложения, поскольку поставщики сосредоточились на действиях конкурентов, а не на потребностях рынка» [2, с. 3].

Именно поддержка локальных властей и «мягкие бюджетные ограничения» со стороны государственных банков позволяют существовать так называемым «зомби-фирмам» – убыточным компаниям, которые продолжают работать, получая дешёвое финансирование или прямые субсидии [1, с. 3]. Исследование, опубликованное в журнале The British

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Accounting Review в 2025 году, проливает свет на сложную, двойственную связь между промышленной политикой и зомби-фирмами [13, с. 5].

Авторы обнаруживают, что эффект политики нелинеен во времени:

– Краткосрочный эффект: Поддержка в рамках промышленной политики может подавлять превращение фирм в «зомби», открывая для них возможности роста (эффект возможности роста).

– Долгосрочный эффект: По мере продолжения поддержки ее положительный эффект ослабевает и может смениться на противоположный. Избыточные инвестиции, стимулируемые политикой (эффект сверхинвестирования), ведут к ухудшению операционных показателей и отраслевому перепроизводству, что, в конечном счете, повышает риск превращения в «зомби».

Эффект отмены: Отмена политической поддержки, напротив, ведет к резкому всплеску образования «зомби-фирм» в краткосрочном периоде. Глубинная причина инволюции, возможно, кроется в фундаментальном дисбалансе китайской экономической модели. Приоритет производства и инвестиций над внутренним потреблением ведёт к хроническому перепроизводству. Зависимость от инвестиций, а не от потребительских расходов, создаёт огромные излишки, которые разрушают прибыль внутри страны [18]. Потребители, столкнувшиеся с кризисом на рынке недвижимости и неопределённостью в доходах, не в состоянии абсорбировать растущее предложение товаров, что замыкает дефляционную спираль [2, с. 4]. BNP Paribas AM называет это «старой привычкой», от которой Китаю трудно отказаться: «экономические агенты строят, инвестируют и производят в первую очередь, чтобы расширить предложение, создать рабочие места и, таким образом, породить спрос» [2, с. 5]. Однако убывающая предельная отдача инвестиций делает эту модель неустойчивой.

Дефляция часто сопровождается самоподдерживающейся ментальностью потребителей, которую трудно сломать. Если они ожидают дальнейшего падения цен, они откладывают покупки, что заставляет цены падать снова. Точно так же бизнес, привыкший к постоянным субсидиям, продолжает наращивать производство. Сингапурский экономист Кок Хоу Ли резюмирует: «Перепроизводство в Китае – это не только проблема производства, но и проблема менталитета» [15].

С 2025 года китайское руководство во главе с Си Цзиньпином объявило о переходе к системной политике противодействия инволюционным процессам в экономике [17]. Одним из ключевых инструментов стало представление в июле 2025 года проекта поправок к Закону о ценообразовании – первого масштабного пересмотра с 1998 года, направленного на пресечение «иррациональных ценовых войн» и закрепление запрета на продажи ниже себестоимости. Предлагаемые изменения предусматривают ограничение демпинговых практик, включая запрет использования доминирующего

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

положения для манипулирования ценами и навязывания условий оптовых поставок.

Параллельно были инициированы кампании по сокращению избыточных производственных мощностей в сталелитейной, цементной промышленности и секторе солнечной энергетики, что концептуализируется как «упорядоченный вывод устаревших мощностей» в целях структурной нормализации предложения. Дополнительное внимание уделяется феномену «цепочечной инволюции», при котором крупные корпорации транслируют ценовое давление на мелких поставщиков, вынуждая их снижать маржу; соответствующие меры направлены на ограничение подобных практик [11, с. 40]. Наконец, в целях стабилизации экспортных потоков электромобилей введён режим экспортного лицензирования, призванный пресечь схему фиктивной внутренней регистрации автомобилей с последующим их вывозом за рубеж как подержанных транспортных средств [16]. Аналитики UBS полагают, что нынешняя антиинволюционная кампания «менее агрессивна по интенсивности, но шире по охвату», чем реформа предложения 2014–2015 годов [4]. Основная цель – не просто сократить производство, а перевести конкуренцию из ценовой плоскости в качественную и технологическую. Успех этой политики напрямую зависит от способности властей решить задачи создания условий для консолидации и стимулирования внутреннего спроса [4].

BNP Paribas AM проводит важное различие между текущей кампанией и реформами десятилетней давности [2, с. 4]. Реформы 2015-16 годов затрагивали upstream-отрасли (сталь, уголь, цемент), где доминировали государственные предприятия. Тогда спад экспорта усугублял дефляцию, но правительство смягчило удар масштабным фискальным стимулом, в частности, через программы реновации ветхого жилья, что подстегнуло строительный сектор. Восстановление рынка недвижимости и экспорта быстро вытянуло экономику из дефляции.

Сегодня ситуация принципиально иная. Макроэкономические условия существенно отличаются от предыдущих этапов антикризисного регулирования. Антиинволюционная политика в настоящее время ориентирована преимущественно на downstream-сегменты и формирующиеся отрасли, включая производство электромобилей и развитие солнечной энергетики, где ключевую роль играют частные компании. Конфигурация государственной поддержки объективно вступает в противоречие с ранее декларированной стратегией стимулирования частного сектора и создает институциональное напряжение между задачами стабилизации и сохранения рыночной автономии бизнеса.

Сектор недвижимости также утратил потенциал традиционного драйвера роста: инструменты стимулирования, подобные программам реновации, оказываются ограниченно применимыми в условиях структурного снижения спроса, обусловленного демографическими факторами, поскольку

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

текущая задача состоит не в экспансии строительства, а в предотвращении системной дестабилизации рынка. Дополнительным ограничением выступают фискальные факторы: приближение уровня государственного долга к отметке 100% ВВП существенно сокращает пространство для масштабного бюджетного стимулирования [4]. Наконец, неблагоприятная внешнеэкономическая конъюнктура, включая торговую конфронтацию с США и замедление глобального спроса, снижает возможности использования экспорта в качестве компенсаторного механизма экономического роста [2, с. 5].

Несмотря на ограничения, Китай ищет новые драйверы спроса. BNP Paribas AM указывает на новую фазу урбанизации как на якорную политику для повышения спроса [2, с. 6]. Она включает инфраструктурные проекты (крупнейшая ГЭС в Тибете), расширение городских кластеров, конверсию недостроенных объектов в доступное жилье и развитие промышленных экосистем. Венг и Чен также подчеркивают необходимость комплексного подхода, сочетающего повышение доходов домохозяйств, оптимизацию реакции предложения и совершенствование политики для разрыва порочного круга «сжатие спроса – неэффективность предложения – провал политики» [11, с. 43].

Заключение

В процессе исследования автором было выявлено, что инволюция на перенасыщенных рынках Китая представляет собой сложный экономический синдром, вызванный сочетанием агрессивной селективной промышленной политики, институциональных искажений (роль локальных властей и «зомби-фирм») и структурного дисбаланса между производством и потреблением. Феномен «роста без прибылей» подтверждён эмпирическими данными: производительность растёт, но прибыли падают, и значительная доля компаний балансирует на грани рентабельности, а дефляция стала хронической.

Предпринятая Пекином антиинволюционная кампания – это попытка «остудить» перегретые сектора и перейти к более здоровой модели конкуренции, ориентированной на качество и инновации. Однако, в отличие от успешных реформ середины 2010-х, текущая ситуация осложнена частным характером перегретых отраслей, структурным спадом на рынке недвижимости, фискальными ограничениями и неблагоприятным внешним фоном. Успех политики требует не только административного давления на бизнес и точечного сокращения мощностей, но и масштабных, хорошо скоординированных мер по стимулированию внутреннего спроса, включая новую урбанизацию и повышение доходов населения. Для мировой экономики исход этой борьбы будет иметь важное значение. Сохранение инволюционной модели означает продолжение экспорта дефляции и новые торговые конфликты, тогда как успешное реформирование китайской модели

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

может оздоровить глобальные цепочки поставок и создать более устойчивую среду для международной торговли.

Литература

1. García-Herrero A., Xu J. Growth without profits: how will 'involution' in China end? // Bruegel Working Paper. 2026. No. 01/2026. 20 p.
2. BNP Paribas Asset Management. China – Involution, deflation and structural reform [Электронный ресурс]. 2025. August. URL: https://www.bnpparibas-am.com/en-hk/front-of-mind/china-involution-deflation-and-structural-reform/ (дата обращения: 18.01.2026).
3. Zhao B., Zhu J. Research review on involution // Proceedings of the 4th International Conference on Modern Management, Education Technology and Social Science (MMETSS 2019). Paris: Atlantis Press, 2019. P. 562–565.
4. UBS. China economic comment: Anti-involution campaign [Электронный ресурс]. UBS Global Research. 2025. URL: по подписке (дата обращения: 19.01.2026).
5. Евсеева А.О. Развитие агроэкономики Китая в XVII–XVIII веках: «инволюционизм» vs. «революционизм» // Историко-экономические исследования. 2007. № 2. С. 59–73.
6. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М.: Прогресс, 1992. 680 с.
7. Чжан Тун-лун. An economic review on the theory of involution: Macro evidence and micro behavior [Электронный ресурс]. 2008. URL: https://api.semanticscholar.org/CorpusID:156391375 (дата обращения: 20.01.2026).
8. Бобоев Г.Г. Эволюционно-институциональный подход как методология исследования сбалансированного и устойчивого экономического роста в условиях нестабильности // Региональные проблемы преобразования экономики. 2025. № 2. С. 42–51.
9. Зоидов К.Х. Эволюционно-институциональный подход при исследовании и измерениях неравновесных процессов эволюции социально-экономических систем. М.: ИПР РАН, 2023. 517 с.
10. Ge P., Zhu R., Chen Y., Huang X. Selective industrial policy and overcapacity: Evidence from a quasi-natural experiment in China // Economic Systems. 2024. Vol. 48. No. 3. P. 140–158.
11. Wang Y., Chen L. Analysis of the characteristics, causes and governance of the "involutionary" competition in China's industrial enterprises // International Business Research. 2025. Vol. 18. No. 5. P. 35–48.
12. Wang B. Promote the involution-style competition governance through the construction of a unified national market // Journal of Nanjing University. 2025. No. 3. P. 10–18.
13. Ge Y. Blessing or curse? Industrial policy and zombie firms // The British Accounting Review. 2025. Vol. 57. No. 2. Article 101813.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

14. Du J. Agricultural transition in China: Domestic and international perspectives on technology and institutional change. Cham: Springer, 2018. 240 p.

15. Davis J.S., Kelly B. China manufacturing overcapacity boosts output, stagnation fears [Электронный ресурс] // Federal Reserve Bank of Dallas. 2025. 30 December. URL: https://www.dallasfed.org/research/economics/2025/1230 (дата обращения: 22.01.2026).

16. Reuters. China is sending its world-beating auto industry into a tailspin [Электронный ресурс]. 2025. 17 September. URL: https://www.reuters.com/investigations/china-is-sending-its-world-beating-auto-industry-into-tailspin-2025-09-17/ (дата обращения: 23.01.2026).

17. The Guardian. China warns EV makers to stop price-cutting to protect the economy [Электронный ресурс]. 2025. 5 August. URL: https://www.theguardian.com/business/2025/aug/05/china-warns-ev-makers-stop-price-cutting-production-involution (дата обращения: 23.01.2026).

18. The New York Times. The new buzzword that's scaring China [Электронный ресурс]. 2025. 23 September. URL: https://www.nytimes.com/2025/09/23/opinion/china-economy-deflation-neijuan.html (дата обращения: 24.01.2026).

19. Castillo E. The problem of involution in China [Электронный ресурс] // Michigan Journal of Economics. 2025. 17 November. URL: https://sites.lsa.umich.edu/mje/2025/11/17/the-problem-of-involution-in-china/ (дата обращения: 24.01.2026).

References

1. García-Herrero A., Xu J. Growth without profits: How will 'involution' in China end? Bruegel Working Paper. 2026;(01/2026):1–20. (In Eng.).

2. BNP Paribas Asset Management. China – Involution, deflation and structural reform [Electronic resource]. 2025. August. Available at: https://www.bnpparibas-am.com/en-hk/front-of-mind/china-involution-deflation-and-structural-reform/ (accessed 18.01.2026). (In Eng.).

3. Zhao B., Zhu J. Research review on involution. In: Proceedings of the 4th International Conference on Modern Management, Education Technology and Social Science (MMETSS 2019). Paris: Atlantis Press; 2019. P. 562–565. (In Eng.).

4. UBS. China economic comment: Anti-involution campaign [Electronic resource]. UBS Global Research; 2025. Available by subscription (accessed 19.01.2026). (In Eng.).

5. Evseeva A.O. Razvitie agroekonomiki Kitaya v XVII–XVIII vekakh: «involyutsionizm» vs. «revolyutsionizm» [Development of Chinese agroeconomics in the 17th–18th centuries: "Involutionism" vs. "Revolutionism"]. Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya [Historical and Economic Studies]. 2007;(2):59–73. (In Russ., abstract in Eng.).

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

6. Braudel F. Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. T. 3. Vremya mira [Civilization and Capitalism, 15th–18th Century. Vol. 3. The Perspective of the World]. Moscow: Progress; 1992. 680 p. (In Russ.).

7. Zhang Tong-lun. An economic review on the theory of involution: Macro evidence and micro behavior [Electronic resource]. 2008. Available at: https://api.semanticscholar.org/CorpusID:156391375 (accessed 20.01.2026). (In Eng.).

8. Boboev G.G. Evolyutsionno-institutsional'nyi podkhod kak metodologiya issledovaniya sbalansirovannogo i ustoichivogo ekonomicheskogo rosta v usloviyakh nestabil'nosti [Evolutionary-institutional approach as a methodology for studying balanced and sustainable economic growth under instability]. Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki [Regional Problems of Economic Transformation]. 2025;(2):42–51. (In Russ., abstract in Eng.).

9. Zoidov K.Kh. Evolyutsionno-institutsional'nyi podkhod pri issledovanii i izmereniyakh neravnovesnykh protsessov evolyutsii sotsial'no-ekonomicheskikh sistem [Evolutionary-Institutional Approach in the Study and Measurement of Nonequilibrium Processes of Socio-Economic Systems Evolution]. Moscow: IPR RAN; 2023. 517 p. (In Russ.).

10. Ge P., Zhu R., Chen Y., Huang X. Selective industrial policy and overcapacity: Evidence from a quasi-natural experiment in China. Economic Systems. 2024;48(3):140–158. (In Eng.).

11. Wang Y., Chen L. Analysis of the characteristics, causes and governance of the "involutionary" competition in China's industrial enterprises. International Business Research. 2025;18(5):35–48. (In Eng.).

12. Wang B. Promote the involution-style competition governance through the construction of a unified national market. Journal of Nanjing University. 2025;(3):10–18. (In Eng.).

13. Ge Y. Blessing or curse? Industrial policy and zombie firms. The British Accounting Review. 2025;57(2):101813. (In Eng.).

14. Du J. Agricultural transition in China: Domestic and international perspectives on technology and institutional change. Cham: Springer; 2018. 240 p. (In Eng.).

15. Davis J.S., Kelly B. China manufacturing overcapacity boosts output, stagnation fears [Electronic resource]. Federal Reserve Bank of Dallas. 2025. 30 December. Available at: https://www.dallasfed.org/research/economics/2025/1230 (accessed 22.01.2026). (In Eng.).

16. Reuters. China is sending its world-beating auto industry into a tailspin [Electronic resource]. 2025. 17 September. Available at: https://www.reuters.com/investigations/china-is-sending-its-world-beating-auto-industry-into-tailspin-2025-09-17/ (accessed 23.01.2026). (In Eng.).

17. The Guardian. China warns EV makers to stop price-cutting to protect the economy [Electronic resource]. 2025. 5 August. Available at:

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

https://www.theguardian.com/business/2025/aug/05/china-warns-ev-makers-stop-price-cutting-production-involution (accessed 23.01.2026). (In Eng.).

18. The New York Times. The new buzzword that's scaring China [Electronic resource]. 2025. 23 September. Available at: https://www.nytimes.com/2025/09/23/opinion/china-economy-deflation-neijuan.html (accessed 24.01.2026). (In Eng.).

19. Castillo E. The problem of involution in China [Electronic resource]. Michigan Journal of Economics. 2025. 17 November. Available at: https://sites.lsa.umich.edu/mje/2025/11/17/the-problem-of-involution-in-china/ (accessed 24.01.2026). (In Eng.).

© Ермолаев С.А., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.